

О МАТЕРИАЛАХ К АНТРОПОНИМИЧЕСКОМУ СЛОВАРЮ
ПИСАТЕЛЯ

Представляется очевидным, что антропонимический словарь должен включать личные имена людей. Это основание словаря теоретически несомненно, но на практике оно наталкивается

подчас на весьма сложные вопросы, особенно если иметь в виду антропонимический словарь художественного текста. Поэтому и реализация данного теоретического основания оказывается на практике неоднозначной.

Во-первых, не всегда просто провести грань между личными и нарицательными именами. Разумеется, выделение общепринятых, социально отработанных видов личного имени - имен, отчеств и фамилий - не составляет труда. Это же, в общем, относится и к прозвищам людей. Но есть разные прозвища. Помимо прозвищ обычного типа, устойчиво бытующих в определенных коллективах в общеязыковой стихии, художественный текст может содержать еще и совсем иные прозвища - приближающиеся к личным именам обозначения людей, рассчитанные на определенную ситуацию и при этом иногда употребляемые только автором. Ещё один разряд литературных "прозвищ" составляют нарицательные названия, которые регулярно обозначают тех или иных героев, заменяя при этом их настоящие имена. Оба отмеченных вида литературных прозвищ, поскольку их удастся выделить, целесообразно включать в антропонимический словарь писателя наряду с общепринятыми видами личных имен. Это же относим также к разного рода сокращениям и условным обозначениям личных имен /ср. госпожа NN у А.П.Чехова/.

Свою сложность в этом плане представляет употребление личных имен во множественном числе. Подобные образования должны безусловно занять свое место в антропонимическом словаре, если они не перестают быть личными именами, то есть являются индивидуальным обозначением групп людей – семьи /горьковские Артамоновы/ или совокупности одноименных людей /однофамильцы Смирновы/. Переход же таких образований в нарицательные выводит их за пределы антропонимического словаря. Речь идет о множественных формах со значением "люди этого типа" - значением нейтральным /Гоголи и Щедрины/ или унизительным /морганы и рокфеллеры/. Эти могут использоваться словарной статье лишь в качестве иллюстраций.

Во-вторых, в художественных текстах антропонимист может встретить еще одну трудность, совершенно неизвестную исследователю общенародной антропонимии. Хоть это и кажется парадоксальным, не во всяком произведении люди легко отделяются от не людей. Должен ли быть в антропонимическом словаре гоголев-

ский Вий? И вообще, как быть со всеми собственными названиями мифических существ - теонимами?

Так как топонимия составляет иной класс собственных имен она не должна, равно как и зоонимы, входить в антропонимический словарь. Впрочем, здесь возможны исключения, особенно в тех случаях, когда персонаж - независимо от его этиологии – описывается как человек. В равной мере это относится к различным олицетворениям и воплощенным абстракциям. В художественных текстах, а особенно в стихах, реальные персонажи, люди /с реальными именами/ могут, как Фаина у А.А.Блока, превращаться в отвлеченные обобщения, и наоборот абстракции материализуются в виде конкретных людей. Все соответствующие личные имена входят в антропонимический словарь постольку, поскольку антропоморфизм их носителей так или иначе выражен.

Следующий вопрос, весьма важный для уяснения структуры и задач, самого смысла антропонимического словаря, - все или не все присутствующие в тексте личные имена людей должны войти в словарь. Думается, что все, но не из всех текстов. Есть тексты, где свободы писателя в создании или отборе антропонимов нет. Это прежде всего письма, автобиографии, воспоминания. Специфические задачи словаря литературной антропонимии требуют отказа от материалов из подобных текстов. Что же касается собственно художественных текстов, то здесь важно обобщить всю антропонимию, в том числе и имена исторических деятелей /антропоним Кутузов в "Воине и мире" Л.Толстого/. В последнем случае как сам отбор имен, так и их форма и речевая ситуация представляют несомненный интерес для антропонимики.

Общезыковые и литературные антропонимические словари имеют разный уровень абстракции. В первом случае обобщаются данные языка, и словарь имеет строго лингвистический характер, информируя об именах людей вообще. Во втором же случае, в антропонимическом словаре писателя рассматриваются данные речи. Здесь каждое имя имеет своего конкретного носителя. Словарь приобретает некоторые черты энциклопедии, сообщая сведения не только о личном имени, но - так или иначе - и о его носителе.

Поэтому и группировку литературной антропонимии в словаре целесообразно производить не по самим именам /как в общезыковом антропонимическом словаре/, а по их носителям. Вряд ли

стоит в антропонимическом словаре А.С.Пушкина сводить имена героинь "Полтавы" и "Бахчисарайского фонтана" в одну словарную статью "Мария". Группировка же материала в антропонимическом словаре по персонажам хорошо согласуется со спецификой литературной антропонимии и, между прочим, не отражаясь на ономастической направленности словаря, вместе с тем резко повысит его значение для литературоведческих исследований.